

УДК 378(091)"18"

**РОЛЬ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ
ВТОРИЧНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИН
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА:
НАЦИОНАЛЬНО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Я.Б. Руднева

Аннотация

В статье рассматриваются особенности интеграции представительниц еврейской диаспоры в состав российской интеллигенции во второй половине XIX в. на основе жизнеописания доктора медицины Парижского университета Рахиль Быховской, которая в 1898 г. стала одной из первых женщин, сдавших экзамен в медицинской испытательной комиссии при Казанском университете.

Ключевые слова: ассимиляция, высшее образование, девиантное поведение, интеллигенция, культурная идентичность, социальная отчужденность, эмансипация.

Высшее образование во второй половине XIX – начале XX в. играло важную роль в формировании социального опыта и мировоззрения женщин, отступавших от социально одобряемых стандартов своего времени и ориентировавшихся на альтернативные нормы и ценности. Неслучайно в российском обществе сложились стереотипы, согласно которым женщины, стремившиеся к получению высшего образования и обретению соответствующего профессионального статуса, вызывали неодобрение и прямое порицание. Механизмом социального контроля, противодействовавшим тенденции к отклонению от выполнения ролевых ожиданий, стала система прямых запретов на обучение женщин в государственной высшей школе и нивелирование прав тех, кто уже получил высшее образование в российских и западноевропейских учебных заведениях.

Констатируя прямое воздействие высшего образования на формирование девиантного поведения «стриженных», то есть учащихся женщин, российское правительство особое внимание уделяло проблеме нравственной и политической «искаленности» девушек, обучавшихся в Западной Европе (I, л. 2). Действительно, высшее образование нередко способствовало эволюции мировоззренческой установки образованных женщин от служения народу мирным путем к участию в активной революционной борьбе. Ограниченность социального опыта женщин рамками медицинской и педагогической деятельности привела к тому, что «медицина и радикализм», по выражению исследователя истории женского движения в России Р. Стайтса [1, с. 127], стали двумя тесно взаимосвязанными способами самовыражения женщин во второй половине XIX – начале XX в.

В историографии, как отечественной, так и зарубежной, персонализация «женской» истории традиционно осуществлялась через изучение судеб участниц революционного и феминистского движений. Зарубежные исследователи, анализируя роль высшего образования в процессе социализации российских женщин во второй половине XIX – начале XX в., особое внимание уделяли «еврейскому вопросу» [2–4]. В современной отечественной историографии подобные исследования практически отсутствуют [5].

Между тем изучение результатов межкультурного взаимодействия, заключившихся в эволюции культурной идентичности различных национально-конфессиональных групп Российской империи во второй половине XIX – начале XX в., продолжает оставаться актуальным. Особый интерес представляет исследование процесса самоидентификации личности в рамках заданного исторического контекста на примере жизни отдельного человека, если точнее, типичного представителя своего времени.

Документы и материалы, хранящиеся в фондах министерства юстиции и департамента народного просвещения Российского государственного исторического архива (РГИА), а также в фонде Казанского губернского жандармского управления Национального архива Республики Татарстан (НА РТ), предоставляют уникальную возможность проследить жизненный путь доктора медицины Парижского университета Рахиль Николаевны Быховской. Она стала одной из первых женщин, удостоенных в 1898 г. диплома женщины-врача медицинской испытательной комиссией Казанского университета. Ее судьба в полной мере отражает процессы, связанные со спецификой интеграции представителей еврейского населения Российской империи в состав интеллигенции во второй половине XIX в.

Рахиль (Рохля) родилась в 1863 г. в семье могилевского мещанина Самуила Быховского и его жены Марии. До 1879 года семья проживала в Томске. В 1879 г. Рахиль вместе со старшей сестрой Зинаидой переехала в Нижний Новгород, чтобы продолжить образование, и поступила в 5-й класс Нижегородской женской гимназии. В мае 1882 г. девушка окончила 8-й класс гимназии со средним баллом аттестата «4». Как иудейка она не посещала занятий по изучению закона Божия, зато добилась успехов в физике, естественной истории и физической географии (II, л. 90). По свидетельству начальницы гимназии, Рахиль «вела себя означено» и ни в чем предосудительном «никогда замечена не была» (III, л. 21 об.).

Девушки снимали квартиру у женщины-врача Кочуровой, благодаря которой у сестер сложился достаточно широкий круг общения. Оказавшись в чужом городе без родителей и старших братьев, вверенная на попечение своей эксцентричной сестре Зинаиде, Рахиль вскоре оказалась втянутой в деятельность возникшей в начале 1881 г. в Нижнем Новгороде организации народного толка, именовавшей себя «Рабочей ассоциацией». «Рабочая ассоциация» располагала нелегальной политической литературой, устраивала конспиративные сходки, распространяя антиправительственные прокламации среди жителей Нижнего Новгорода и Сормова.

Присутствие значительного количества еврейской молодежи в составе радикальных организаций, возникших в Российской империи во 70–80-е годы

XIX в., большинством исследователей объясняется национальным и экономическим антагонизмом по отношению к еврейской части населения со стороны титульной нации [2, 6]. Свидетельством нараставшего в этот период антагонизма является волна еврейских погромов, прокатившаяся по стране в 80-е годы. Планомерно проводимая в отношении евреев политика русификации дала результаты, противоположные ожидаемым. По свидетельству П. Венгеровой, еврейская молодежь действительно «растворялась в чужой стихии», а «ее лозунгом стала предельная ассимиляция» [7, с. 271]. Однако «третье поколение» российских евреев, поколение 70–80-х годов XIX в., взбудораженное такими «модными словами», как «нигилизм, материализм, ассимиляция, антисемитизм, декаданс», уже «не боялось ни Бога, ни черта» [7, с. 277, 280].

Активная участница европейского сионистского движения И. Симон-Фридберг полагала, что у еврейских женщин была особая «метафизическая» причина, способствовавшая их «растворению в общечеловеческом». Они пытались освободиться от чувства «гетто»: «Наших талантливых и великих еврейских женщин естественно привлекало все то, где не может быть речи о расе, религии. Им было приятно всецело окунуться во все общечеловеческое. Бессознательно было вкоренено в их крови отвращение к долговому, заклеяемому огнем из-за религии, существованию, и даже теперь, когда нет уже, кажется стыда в исповедании этой религии, они все-таки не хотят о ней слышать» [8, с. 7].

Несомненно, что тяжелое положение еврейского населения в России способствовало восприимчивости сестер Быховских к идеям общего добра и справедливости, а отсутствие религиозного воспитания компенсировалось увлечением нигилизмом и революционной деятельностью. Молодость, эмоциональность и желание принести пользу обществу делали девушек желанной добычей профессиональных вербовщиков «от революции». Дело в том, что в радикальной (народнической) среде сложилось особое отношение к женскому «материалу». В 1872 г. отец русского анархизма М.А. Бакунин, первоначально скептически относившийся к привлечению женщин к революционной работе, после знакомства в Цюрихе с русскими студентками заявил, «что это большая нарастающая революционная сила, что нигде в мире нет ничего подобного...» (цит. по [9, с. 37]).

В мае – июне 1882 г. несколько жителей Нижнего Новгорода, в том числе служащие Нижегородской женской гимназии, получили по почте прокламации и номера газеты «Народная воля» (№ 7–9), изданные в Москве. В прокламациях речь шла о судебном процессе над С.Н. Халтуриным и Н.А. Желваковым, организовавшими в Одессе покушение на жандармского генерал-майора В.С. Стрельникова и казненными 22 марта 1882 г. В № 8–9 «Народной воли» было напечатано предисловие К. Маркса и Ф. Энгельса к русскому переводу «Манифеста Коммунистической партии». Преподаватель женской гимназии Кочкин кроме противоправительственных изданий получил записку следующего содержания: «пошляем Вам пока процесс, который появится в следующем номере, чей последний тоже Вам будет послан. Надеемся, что не наделаете шуму, если Вы только человек честный, то Вас это должно интересовать» (Ш, л. 4–4 об.).

4 июля 1882 г. при обыске сына священника села Воскресенского Нижегородской губернии Семена Богородского, подозревавшегося в пересылке запрещенных

книг из Нижнего Новгорода в село Воскресенское, жандармский майор, производивший дознание, обнаружил «указания на знакомство и переписку Богородского с проживающими в Нижнем Новгороде сестрами Быховскими» (III, л. 3).

5 июля 1882 г. во время обыска в квартире Быховских ничего предсудительного найдено не было, однако был изъят черновик письма неизвестному лицу. Графологическая экспертиза показала, что адрес на нескольких конвертах, в которых отсылались противоправительственные издания, записка, приложенная «к № Народной воли, посланному Кочкину» (II, л. 4–4 об.), письмо, найденное в квартире Быховских, были написаны почерком Рахиль Быховской.

С 6 июля 1882 г. Рахиль содержалась в одиночном заключении в Нижегородской тюрьме и первоначально отказывалась давать показания. Сходство почерков еще не являлось достаточным основанием для обвинения. Дело решила перехваченная смотрителями тюрьмы записка Зинаиды Быховской к сестре. Очевидно, что Рахиль, не выдержав условий тюремного заключения, решила дать признательные показания и советовалась с сестрой по поводу их содержания. В целях конспирации девять строк письма были написаны по-еврейски (III, л. 20 об.). Зинаида, которая уже была совершеннолетней, просила сестру взять часть вины на себя, тем более что улики указывали на причастность к этому делу именно Рахиль, и предлагала сестре озвучить на допросе легенду о некоем неизвестном господине, который обманым путем заставил их подписать адреса на конвертах. Зинаида советовала Рахиль как можно скорее принять окончательное решение: «если хочешь признаться, то поторопись, потому что следствие уже началось, обдумай только хорошо и говори так, чтобы Пыжа не касалось» (III, л. 20 об.). Пыжом сестры называли Захара Захаровича Васильева, студента Казанского университета, привлеченного к дознанию в качестве обвиняемого по тому же делу, впоследствии активного деятеля «Народной воли».

После окончания следствия 20 октября 1882 г. Рахиль была приговорена к четырехмесячному тюремному заключению, считая срок со дня ареста, с последующим подчинением гласному надзору на два года на родине – в Могилеве-на-Днепре, куда она была выслана из Нижнего Новгорода вместе с сестрой в апреле 1883 г. этапным порядком. В июне 1883 г. она подала министру внутренних дел прошение о снятии гласного надзора, в котором выражала раскаяние, но ходатайство было отклонено ввиду неодобрительного отзыва могилевского губернатора. Таким образом, последствием юношеского увлечения революционной деятельностью стала социальная отчужденность Рахиль не только как «лица иудейского вероисповедания», но и как «неблагонадежного элемента».

В Могилев вместе с сестрами прибыл и их отец. Филер в декабре 1885 г. доносил, что он «квартируется в доме Ноткина без никаких занятий, остальных сродственников, где проживают пока неизвестно... имущества у них в Могилеве нет никакого» (IV, л. 7–9). В 1884 г. Рахиль Быховская была освобождена из-под гласного надзора полиции, и, получив 28 ноября 1884 г. паспорт сроком на полгода, отправилась в Париж учиться медицине. Зинаида в 1885 г. обратилась в Московский университет с просьбой позволить ей держать экзамен на звание зубного врача, выдержала в 1886 г. экзамен и переехала от отца на отдельную квартиру. В январе 1887 г. в Могилевское губернское жандармское управление пришел запрос о местонахождении сестер Быховских, которые подозревались

в «близких сношениях с разыскиваемым Департаментом Захаром Васильевым» и будто бы содействовали «в настоящее время укрывательству его и сожительности его Раисы Кранцфельд». В результате розыскных мероприятий выяснилось, что «в августе 1887 года отец их выбыл в Казань, где и ныне может находиться, или же живет в Томске у своего сына Исаака, служащего там винокуром, или у замужней дочери своей Бетли Ольховской, там же живет и Зинаида Быховская, занимаясь практикой зубного врача... Мать проживает в Казани при сыновьях Абраме, Науме и Михаиле, там же живет их сестра Елена. Рахиль Быховская в настоящее время живет в Париже, слушает лекции в университете» (IV, л. 14).

В семье Быховских отношение к образованию являлось традиционным для большинства представителей еврейского народа. Образование рассматривалось как необходимый жизненный багаж, которым еврейская семья должна была обеспечить детей, несмотря на материальные трудности и низкое социальное происхождение. Благодаря поддержке семьи Абрам окончил Санкт-Петербургский университет, Наум – Казанский, Рахиль – Парижский. Об отношении к женскому образованию в семье красноречиво свидетельствует прошение Абрама Быховского министру юстиции о помиловании сестер, которое заканчивалось словами: «Обе они, Зинаида и Рахиль, еще не кончили своего образования, не возбраните им докончить свое образование!» (III, л. 13).

Отъезд Рахиль Быховской за границу был вынужденной мерой. Как иудейка она не могла учительствовать, поэтому обучение на Бестужевских высших женских курсах являлось бесперспективным с точки зрения последующей профессиональной деятельности. Оставалась медицина, но в 1882 г. прекратило прием слушательниц единственное высшее медицинское учебное заведение, доступное женщинам в России, – женские врачебные курсы при Николаевском военном госпитале (Санкт-Петербург). Р. Быховская остановила свой выбор на Франции (в середине 80-х годов XIX в. женщинам были доступны также университеты Швейцарии, Бельгии, Италии, Испании, Швеции).

Во Франции впервые женщина была удостоена степени бакалавра в университете города Лиона в 1861 г. [10]. С 1880 года женщины получили право на имматрикуляцию в качестве действительных студенток французских университетов. В 1882/83 академическом году только на медицинском факультете Парижского университета их обучалось 67 человек: 13 француженок, 33 русских, 4 американки, 15 англичанок, 2 итальянки [11, с. 5–6]. В 1890 г. общее количество студентов-иностранцев на медицинском факультете Парижского университета составило 729 человек (из них 107 женщин), а выходцев из России (преимущественно евреев) – 150 [12, с. 12–13]. В 1890/91 учебном году в Парижской медицинской школе и на медицинском факультете Парижского университета получали образование 78 российских женщин, в том числе и Рахиль Быховская.

Условия приема в университеты для иностранок включали подачу прошения на имя министра образования Франции, предоставление метрического свидетельства и аттестата об окончании восьмиклассной женской гимназии, который необходимо было обменять на соответствующий французский аттестат за определенную сумму. Курс учения собственно на медицинских факультетах университетов составлял 4 года. Однако для соискания государственного диплома

доктора медицины, дающего право свободной практики на территории страны, кроме аттестата зрелости требовался дополнительный диплом бакалавра, свидетельствующий о прохождении курса физических, химических и естественных наук. В случае отсутствия бакалаврского диплома соискатель мог рассчитывать только на так называемый университетский диплом, свидетельствующий о наличии высшего образования, но не предоставляющий никаких прав. Желающие получить образование в Париже должны были быть готовы и к тому, что начинать обучение им придется в провинции, так как иностранцы принимались в столичный университет «только после 2-х, 3-х летнего пребывания в провинциальном университете, и то не всегда и с большим трудом» [13, с. 269]. Так что образовательный процесс мог затягиваться на 5–8 лет. Неслучайно Рахиль Быховская пробыла во Франции около 9 лет – с 1884 г. по 1893 г., пройдя долгий путь к диплому доктора медицины.

Высшее образование во Франции считалось одним из наиболее дорогих в Западной Европе. По состоянию на 1883 год четырехлетний медицинский курс (лекции, испытания, свидетельства об испытании, плата за пользование библиотекой, практические занятия, диссертация и докторский диплом) обходился в 880 франков, или 308 рублей [11, с. 5–6]. Отдельно оплачивались занятия в экспериментальных лабораториях (каждый семестр), имматрикуляция и диплом бакалавра. Однако основную статью расходов составляло проживание. Корреспондент «Первого женского календаря» писал в 1901 г.: «Чтобы кое-как просуществовать в Париже, без платы за право учения и без учебных пособий, нужно, по крайней мере, 120 франков в месяц... Студенческая масса страшно нуждается, и хотя существует студенческая касса взаимопомощи, но средства ее так скудны, что она не в состоянии удовлетворить предъявляемые к ней требования...» [13, с. 272].

К неудобствам бытового плана добавлялись проблемы, связанные с адаптацией в инонациональной среде. В 1881 г. в журнале «Женское образование» была опубликована статья «Печальная история одной из тружениц науки», посвященная трагической гибели студентки Сорбонны Александры Лей, которая в 1880 г. покончила жизнь самоубийством на фоне нервного истощения и замкнутого образа жизни. По мнению автора статьи, тяжелое положение учащих в Париже русских женщин во многом было обусловлено изоляцией от французского общества: «Большинство французов положительно не допускают, чтобы женщина могла помышлять о высшем образовании. Следствием подобного взгляда является, например, то, что в медицинской школе до сих пор женщина не может войти в аудиторию раньше профессора без того, чтобы не вызвать со стороны слушателей аплодисментов, криков и всякого неприличного шума, а между тем уже больше 15-ти лет как в медицинскую школу допущены женщины. Понятно после этого, что учащимся женщинам приходится быть очень осторожными в своих отношениях к студентам. Можно даже сказать, что для женщин студенты как бы не существуют, отношений между теми и другими нет никаких». Кроме того, молодая девушка, живущая одна, вызывала негативную реакцию и со стороны добропорядочных французских семей [14, с. 136].

Учащиеся в Париже женщины оказались оторваны не только от французского, но и от русского общества. В отличие от русских обитателей Цюриха

и Берна, где существовали большие студенческие колонии, парижские русские жили обособленно друг от друга. Однако это обстоятельство «политически неблагонадежной» Р. Быховской, пострадавшей за увлечение народническими идеями, позволило сосредоточиться на учебе. Дело в том, что Швейцарию «облюбовали» политические эмигранты из России, и девушки, приезжая «только со страстным желанием учиться медицине и другим наукам, а затем послужить родине», сразу попадали в среду, «насыщенную анархическими революционными взглядами» [9, с. 35].

Когда Рахиль в сентябре 1889 г. прибыла в Могилев, чтобы ходатайствовать о получении заграничного паспорта, за ней сразу было установлено негласное наблюдение, продолжавшееся в течение 14 лет. 10 сентября 1889 г. унтер-офицер Верещак донес следующее: «состоящая под негласным надзором еврейка Рахиль Быховская, квартирует в “Днепровской” гостинице в 17 номере, она 9-го сентября написала письмо в Париж, следующего содержания: приготовьте квартиру и постель, я буду 27 сентября, а остальное было написано по-французски... г. полицеймейстер был в гостинице у Р. Быховской для взыскания у ней 30 рублей за просроченный за границей паспорт, которая вынула 100 руб. билет, дала номерному для размена и уплатила таковые» (IV, л. 37).

В мае 1893 г. Рахиль, получив диплом бакалавра и доктора медицины Парижского университета, возвратилась в Россию и поселилась вместе с матерью и сестрой Зинаидой в Казани на улице Воскресенской в доме Соколова. В феврале 1894 г. она обратилась к мещанскому старосте Могилева с ходатайством о выдаче паспорта, но получила отказ. В течение последующих двух лет Р. Быховская вела замкнутый образ жизни, ее «занятия неизвестны» (IV, л. 47). Летом 1894 г. она в составе санитарного земского отряда работала в Нижегородской губернии.

В 1895 г. женщины-врачи получили официальное разрешение работать в сельских больницах земскими врачами. Р. Быховской, чтобы добиться права врачебной практики на всей территории Российской империи и получить звание женщины-врача, предстояло сдать государственный экзамен в испытательной комиссии одного из российских университетов.

Диплом иностранного университета на степень доктора медицины признавался в Российской империи, согласно примечанию к статье 79 действовавшего с 1884 года университетского устава, равносильным выпускному свидетельству медицинского факультета и давал доступ к испытанию в медицинской комиссии. Однако действие закона не распространялось на лиц женского пола, имеющих такой же диплом, поэтому женщины-доктора иностранных университетов допускались к государственному экзамену в особом порядке после соответствующего ходатайства министру народного просвещения и высочайшего повеления.

Необходимо отметить, что министром народного просвещения И.Д. Деляновым, автором циркуляра 1887 г. о введении процентного ограничения приема евреев в российские высшие учебные заведения, «лица иудейского вероисповедания» допускались в испытательные комиссии с исключительным формализмом.

По свидетельству П. Венгеровой, «в восьмидесятые годы, когда по всей России свирепствовал антисемитизм, у еврея оставалось только два пути: либо еврейство и отказ во имя еврейства от всего нажитого – либо крещение, то есть

свобода и связанные с ней возможности образования и карьеры». Поколение 80–90-х годов XIX в., выросшее «без всякой традиции, вдалеке от еврейства», испытавшее на себе влияние нигилизма и атеизма, было не готово отказаться от всего, «что может предложить ему будущее, от счастья, чести, имени», и, устояв перед всеми соблазнами, «забыться во мрак и убожество провинциального местечка» [7, с. 286]. Рахиль Быховская, как и сотни ее современников, выбрала второй путь: зимой 1896 г. она приняла православие (с изменением отчества) и была причислена к обществу мещан Нижнего Новгорода.

4 апреля 1896 г. Р. Быховская подала ходатайство на имя И.Д. Делянова с просьбой допустить ее «держать экзамены в медицинской испытательной комиссии текущего года при императорском Московском университете или в таковой же комиссии при императорском Казанском университете», мотивируя свое желанием тем, что она хочет «получить возможность приносить посильную пользу... отечеству» (V, л. 99). Ходатайство было удовлетворено чрезвычайно быстро. 25 апреля 1896 г. доктору медицины Парижского университета Рахиль Николаевне Быховской было разрешено держать государственный экзамен в испытательной комиссии медицинского факультета Казанского университета. Экзамены требовали серьезной подготовки, и Р. Быховская отложила их сдачу на год. Кроме того, с декабря 1896 г. она начала практиковать в Казани как частная акушерка.

Для докторов медицины западноевропейских университетов, независимо от пола, государственные экзамены являлись серьезным испытанием и нередко растягивались на срок от 2 до 5 лет. Согласно «Правилам, требованиям и программам испытания на звание лекаря в медицинской комиссии» государственный экзамен включал пять отделов (23 предмета). Испытание по каждому из отделов проводилось в течение двух дней, а по всем отделам – в шестинедельный срок. Даже для выпускников российских высших учебных заведений, знакомых с требованиями своих профессоров, такая «краткость срока» и «значительная многопредметность экзаменов» приводили к тяжелой форме переутомления, при которой они «совершенно теряли способность нормального соображения и мышления и давали неправильные ответы на самые простые, элементарные вопросы» (VI, л. 102). Р. Быховская не стала исключением. В 1897 г. она, провалив один из экзаменов, отказалась от дальнейших испытаний, сославшись на болезнь (VII, л. 94). Наконец, осенью 1898 г. Рахиль Николаевна сдала государственные экзамены в полном объеме с одним «весьма удовлетворительно» по органической химии (II, л. 89). Рахиль Николаевна Быховская стала второй женщиной, которую испытательная комиссия Казанского университета удостоила врачебного диплома. Первой была Александра Семеновна Боголюбская, доктор медицины Бернского университета, получившая диплом в 1895 г.

Получив диплом, в январе 1899 г. Быховская отправилась в качестве земского врача в село Верхошижемское Вятской губернии. В апреле того же года она приняла участие в VII Всероссийском съезде врачей, проходившем в Казани и посвященном вопросам борьбы с туберкулезом. 3 июля 1899 г. Рахиль Николаевна неожиданно уволилась и вернулась в Казань. Возможно, ее не устроили оплата и тяжелые условия труда земского врача, имевшего ненормированный рабочий день и вынужденного обслуживать большое количество больных.

Женщинам, служащим земскими врачами, приходилось оказывать квалифицированную медицинскую помощь, выходящую далеко за пределы их специализации (женские и детские болезни). По воспоминаниям Н.П. Драгневич, «на каждом приеме приходилось то вправлять вывихи, то накладывать неподвижные повязки, то удалять инородные тела из глаз и других частей тела, или вскрывать нарывы, выдергивать зубы и т. п.» [15, с. 70]. Быховская, до этого практиковавшая только как акушер, не была готова к такому количеству обязанностей. Кроме того, на размеры содержания, получаемого женщинами-врачами, «оказало неблагоприятное влияние странное правило некоторых земств ценить женский труд дешевле мужского, как будто он менее продуктивен и менее доброкачествен» [16, с. 134].

В июле 1900 г. Рахиль при содействии брата Наума, исполнявшего обязанности городского судьи в г. Кусе Уфимской губернии, получила место доктора-акушера при Кусинском заводе. На Кусинском заводе она проработала меньше полугода. Об этом периоде деятельности дает представление донесение филера, который выражал явную антипатию к своей «подопечной» и ее окружению, отмечая, что Быховская «оставила по себе плохую память, вследствие положительно недобросовестного отношения к своим обязанностям», «больных лечила, заочно давая советы», «отказывала больным в медицинской помощи». Фельдшерница, с которой Быховская была «особенно дружна», «также возбуждала неудовольствие местных жителей небрежным отношением к своим обязанностям» (IV, л. 136).

В январе 1901 г. Рахиль Николаевна, неудовлетворенная работой в земстве, вернулась в Казань и занялась частной зубоврачебной практикой, снимая квартиру на улице Малой Лядской. В 1903 г. негласный надзор за Р. Быховской был снят. В 1907 г. она поселилась в качестве вольнопрактикующего дантиста в Гомеле, расположенном в черте еврейской оседлости. Заслуживает внимание то обстоятельство, что Рахиль Быховская вернулась на историческую родину уже в достаточно зрелом возрасте, несмотря на то что воспитывалась и прожила большую часть сознательной жизни вне черты оседлости.

Итак, историческая реконструкция биографии Рахиль Николаевны Быховской позволяет проследить процесс адаптации женщин в образовательной и профессиональной сферах российского общества во второй половине XIX в. Безусловно, у представительниц еврейской диаспоры в процессе адаптации возникали определенные трудности, связанные с их национально-конфессиональной принадлежностью. Так, у Р. Быховской в юном возрасте внутреннее «отторжение» собственной национально-культурной идентичности спровоцировало возникновение девиантного поведения, отразившего стремление изменить основы существующего политического режима. Последующая социализация Р. Быховской была связана с обучением в Парижском университете. Крещение, а затем недолгая деятельность в качестве земского врача являлись очередной попыткой преодоления социальной отчужденности, характерной для еврейской части населения Российской империи в 80–90-е годы XIX в.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Gerda Henkel Stiftung (грант AZ 10/SR/10).

Summary

Ya.B. Rudneva. The Role of Higher Education in the Process of Secondary Socialization of Russian Women in the Late 19th Century: National-Confessional Aspect.

This article considers the peculiarities of integration of Jewish women into the Russian intelligentsia in the late 19th century based on the biography of a doctor of medicine of Paris University Rakhil Bykhovskaya, who became in 1898 one of the first women to pass the examination at the medical examining board of Kazan University.

Key words: assimilation, higher education, deviant behavior, intelligentsia, cultural identity, social exclusion, emancipation.

Источники

- I. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1276 (Совет министров). Оп. 2. Д. 515.
- II. НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф. 977 (Казанский университет). Оп. Испытательная комиссия. Д. 55
- III. РГИА. Ф. 1405 (Министерство юстиции). Оп. 82. Д. 9347.
- IV. НА РТ. Ф. 199 (Казанское губернское жандармское управление). Оп. 2. Д. 15.
- V. РГИА. Ф. 733 (Департамент народного просвещения). Оп. 150. Д. 1284.
- VI. РГИА. Ф.733. Оп. 151. Д. 84.
- VII. РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 1437.

Литература

1. *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. – М.: РОССПЭН, 2004. – 614 с.
2. *Neumann D.* Studentinnen aus dem Russischen Reich in der Schweiz 1867–1914. – Zürich: Rohr, 1987. – 267 S.
3. *Mazón P.* Die Auswahl der «besseren Elemente». Ausländische und jüdische Studentinnen und die Zulassung von Frauen an deutschen Universitäten 1890–1909 // *Jahrbuch für Universitätsgeschichte.* – 2002. – Н. 5 – S. 185–198.
4. *Heidborn T.* Russländische Studierende an der Berliner Friedrich-Wilhelms-Universität und der Technischen Hochschule Berlin 1880–1914. Inaugural-Dissertation. – Bonn: Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität, 2009. – 538 S.
5. *Иванов А.Е.* Еврейское студенчество в высшей школе Российской империи начала XX века. Каким оно было? Опыт социокультурного портретирования. – М.: Новый хронограф, 2007. – 436 с.
6. *Фельдман Д.З.* Страницы истории евреев России XVIII – XIX веков. – М.: Древлехранилище, 2005. – 420 с.
7. *Венгерова П.* Воспоминания бабушки: Очерки культурной истории евреев России в XIX веке. – М.: Иерусалим, 2003. – 293 с.
8. *Симон-Фридберг И.* Современные задачи еврейской женщины. Доклад, читанный в Вене по случаю 11 Сионистского конгресса. – Белая церковь, 1914. – 21 с.
9. *Сажин М.П.* Русские в Цюрихе (1870–1873 гг.) // *Каторга и ссылка.* – М., 1932. – № 10. – С. 20–78.
10. *Tikhonov N.* Student migrations and the feminisation of European universities // *L'étudiant étranger. Préactes dela journée d'études du 8 février 2002.* – URL: <http://barthes.enssib.fr/cliio/revues/AHI/articles/english/tiko.html>, свободный.

11. О женском врачебном образовании в различных государствах Европы и в Северной Америке. – СПб.: Тип. В.О. Балашева, 1884. – 34 с.
12. *Л-рь Л.* Письмо из Парижа // Журн. М-ва нар. просвещ. – СПб., 1890. – Ч. 268, № 3. – С. 12–21.
13. Первый женский календарь на 1901 год / Сост. П.Н. Ариян. – СПб.: Паровая скоропечатня «Труд», 1901. – 476 с.
14. Печальная история одной из тружениц науки // Жен. образование. – М., 1881. – № 2. – С. 133–141.
15. *Драгневич Н.П.* Из воспоминаний женщины-врача. (К 25-летию деятельности женщин-врачей) // Рус. богатство. – СПб., 1903. – № 1. – С. 61–74.
16. Первый женский календарь на 1899 год / Сост. П.Н. Ариян. – СПб.: Паровая скоропечатня «Труд», 1899. – 186 с.

Поступила в редакцию
20.11.10

Руднева Яна Борисовна – кандидат исторических наук, доцент Набережночелнинского государственного торгово-технического института.

E-mail: ya.rudneva@rambler.ru